

Истории женщин,
которые не собирались
влюбляться.

Мира Ле

МИЛЛИОНЕР С ПОМОЙКИ

18+

Он ничего не помнит. Кроме неё.

Мира Ле

Миллионер с помойки

«Автор»

2026

Ле М.

Миллионер с помойки / М. Ле — «Автор», 2026

Вы когда-нибудь находили будущего мужа на помойке? Маша тоже думала, что это невозможно. Пока её кот не сбежал в полпятого утра. Она всего лишь вышла за Рыжим. В пижаме с пандами, без макияжа и без планов на личную жизнь. А у мусорных баков возле ресторана нашла избитого мужчину без памяти. Теперь Маше придётся решить, что опаснее: расследовать чужие тайны, спорить с бывшей красавицей миллионера или поверить мужчине, который сначала назвал её женой по ошибке, а потом сделал это уже совершенно осознанно.

© Ле М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мира Ле

Миллионер с помойки

Глава 1

Если вы думаете, что большая любовь начинается под звёздами — с бокалом шампанского, томным взглядом и чем-то вроде «ты перевернул мой мир», — то у меня для вас новость.

Моя большая любовь началась в пижаме с пандами, на помойке, в полпятого утра, когда Рыжий решил, что он — Человек-Паук.

Позвольте объяснить.

Рыжий — это кот. Большой, бесформенный, оранжевый, как мандарин на стероидах, и совершенно беспородный. Я подобрала его три года назад у мусоропровода. Ветеринар тогда сказал: «Он ещё подрастёт», но не уточнил, что «подрастёт» в ширину.

Рыжий спит на моей подушке, ест мою еду, игнорирует моих друзей и периодически орёт в четыре утра с интонациями оперной дивы, которой наступили на хвост.

Я его обожаю.

В ту ночь всё началось с майского жука.

Жук прилетел в окно и прямоком шмякнулся о форточку. Рыжий, который дремал на подоконнике, в доли секунды проснулся, примерился и прыгнул. За жуком. На улицу. Со второго этажа.

Нет, я живу на первом. Но балкон у меня — это такая почти-второй-этаж конструкция.

Короче, кот прыгнул. Жук, по всей видимости, улетел. Рыжего не было.

Я поняла это в 04:58, когда обнаружила пустой подоконник и открытую форточку. И почувствовала то, что чувствует каждый хозяин кота в такой момент: смесь паники, ярости и огромного желания его поцеловать и одновременно прибить.

«Убью. Сначала поцелую, потом кастрирую ещё раз, потом убью» - все о чем я могла думать пока выбегала. Выбежала в чём была: пижама с пандами, тапочки-свиньи с розовыми пятачками и венец образа — воронье гнездо на голове, также известное как «утренний экспрессионизм».

Город в пять утра пах вчерашними чебуреками и спящим правосудием.

Я обежала весь двор, заглянула под каждую скамейку, проверила кусты, позвала вполголоса (потому что орать в пять утра — это уже совсем хамство), потом не вполголоса (потому что кот важнее репутации), потом совсем громко (потому что кот — ВСЁ).

Рыжего не было.

Я пошла дальше — за угол, потом ещё за угол, потом оказалась у задней части ресторана «Элита», который стоит через квартал. «Элита» — место пафосное, с вишнями фламбе и меню на французском языке, где суп-пюре называется «велюте», а котлета — «медальон из говядины с трюфельным пюре».

Рядом с «Элитой» была помойка.

Не романтичная помойка с розами и тайнами, а самая обычная — три здоровых металлических контейнера, рядом огромная коробка из-под промышленного холодильника и запах, который можно описать как «ресторанное величие встречает суровую реальность».

Из коробки доносилось знакомое:

— Мр-р-р-яу.

Я нашла Рыжего.

Глава 2

Подошла к коробке и уже готовясь произнести Большую Речь О Недопустимом Поведении, которую мысленно репетировала всю дорогу. Что-то в духе: «Рыжий, ты совесть потерял?» — с соответствующими жестами.

Но слова застряли в горле.

В коробке, на груди потрёпанного тёмного бархата — вероятно, остатках какого-то декора из ресторана — лежал мужчина.

Не просто мужчина. НЕТ.

Это было нечто, для описания которого мой словарный запас оказался недостаточен. Я — врач, человек с медицинским образованием, много лет работаю с человеческими телами и считаю, что умею смотреть на них клинически.

Это был не клинический случай.

Кожа — белая, почти фарфоровая, даже в бледном свете фонаря. Лицо — как у того, кто позировал скульпторам, пока те ваяли идеал. Высокие скулы, прямой нос, тёмные ресницы, которые бросали тень даже при слабом освещении. Волосы — тёмные, растрёпанные, слипшиеся на виске, где красовался внушительный синяк.

Рубашка. О рубашке надо говорить отдельно. Она была дорогой — даже в порванном, испачканном виде это было очевидно. Такие рубашки стоят, как мои летние отпуска, вместе взятые.

Рыжий сидел у незнакомца на груди и методично месил лапами его живот с видом опытного массажиста, который знает, что делает.

Живот.

Рубашка задралась, и там — там была не просто передняя стенка брюшной полости. Там был архитектурный шедевр. Восемь кубиков пресса, каждый выточен настолько чётко, что при других обстоятельствах я бы сфотографировала для медицинского атласа как образец идеальной мышечной структуры.

— Мр-р-р, — сказал Рыжий, топчя шедевр.

— Мр-р-р, — сказала я, но внутри.

Мозг гинеколога Маши:

«ВНИМАНИЕ! ОБНАРУЖЕН КРИТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ТЕСТОСТЕРОНА! СИСТЕМА ПЕРЕГРЕВАЕТСЯ! РЕКОМЕНДУЕТСЯ НЕМЕДЛЕННАЯ ЭВАКУАЦИЯ!»

Маша:

«Нет.»

Я подошла ближе. Нагнулась. Потянулась к Рыжему.

Мужчина лежал без сознания, но дышал — это я проверила профессиональным взглядом, и да, я изо всех сил старалась смотреть на грудь именно с медицинской точки зрения. С переменным успехом.

На голове была шишка. На виске — гематома. Кто-то явно приложил этого человека чем-то тяжёлым, и он добрался до ближайшей коробки, чтобы прийти в себя.

— Рыжий, — прошептала я, — слезь с мужика, нам нужно его осмотреть.

Рыжий посмотрел на меня с выражением «ещё чего» и продолжил топтать пресс.

Я потянулась, чтобы снять kota с живота незнакомца — и в этот момент его рука обхватила мою запястье.

Горячая. Как сковородка. Крепкая, как будто он и не терял сознания никогда.

Его глаза открылись.

Тёмные. Глубокие. Как американо без сахара и без молока — тот, который не пьёт, а переживает.

Они смотрели прямо на меня

— Жена, — сказал он хрипло, чуть слышно. — Ты... ты наконец пришла за мной.

Я открыла рот.

Закрыла рот.

Открыла снова.

— Какая я тебе жена, чудо ты помоечное? — выдала я в итоге, потому что других слов не нашлось.

Он чуть улыбнулся — одним уголком рта, и у меня в этот момент внутри что-то упало. Не сердце. Что-то пониже.

— Жена, — повторил он уверенно, как человек, у которого нет сомнений. — Я знаю. Ты пришла.

А потом снова потерял сознание.

Рыжий посмотрел на меня.

Я посмотрела на Рыжего.

— И что мне теперь делать? — спросила я у кота.

Рыжий вцепился когтями в дорожную рубашку и сообщил своё мнение громким «Мряу», что в переводе с кошачьего означало приблизительно: «Очевидно же. Тащи домой».

Понравился «Миллионер с помойки»?

Тогда вам может понравиться и другая моя история. «Ничего не было» — роман не о любви.

История Анны начинается с обычной рабочей переписки. А заканчивается вопросом, на который каждый читатель отвечает по-своему.

Что считается изменой, если ничего не было?

Читать роман «Ничего не было»: [ссылка](#).

Глава 3

05:20. СПИНА ТРЕЩИТ. ГОРДОСТЬ ОТДЫХАЕТ.

Здесь я должна сделать важное замечание.

Я — невысокая. Рост сто шестьдесят три сантиметра, и это с причёской. Вес мой — скромный, спортивный, потому что я хожу на йогу три раза в неделю, хотя последние полгода это была скорее йога намерений, чем йога действий.

Незнакомец был высоким. Очень высоким. И тяжёлым. Потому что мышцы. Там были МЫШЦЫ. Много мышц. Очень много мышц.

Тащить его домой было приблизительно как перевозить шкаф. Приятный шкаф, красивый шкаф, но всё же шкаф.

Я закинула его руку себе на плечо. Рыжего — под мышку. И потащились.

Это был один из тех момент, когда я была искренне благодарна, что живу на первом этаже.

Незнакомец периодически приходил в себя ровно настолько, чтобы пробормотать «жена» и снова отключиться. Один раз он добавил что-то про курицу и трюфели, что меня немного насторожило, но я решила, что это просто бред от удара головой.

Рыжий всю дорогу сидел у меня под мышкой и ехал с выражением полного удовлетворения. Надо же. Нашёл себе мужика. На помойке. Для мамы.

— Предатель, — шепнула я коту.

— Мр, — согласился он.

Дома я уложила незнакомца на диван. Осмотрела гематому — серьёзная, но ничего критического, кости черепа целые. Обработала ранку. Принесла лёд. Проверила зрачки — реакция нормальная. Всё хорошо.

Точнее, всё хорошо с точки зрения неотложной помощи.

С точки зрения жизненной ситуации — не очень.

У меня на диване лежал незнакомый мужчина невероятной красоты с амнезией, который считал меня своей женой. Рядом сидел кот, который смотрел на всё это с выражением «мне вы оба должны по тунцу».

Незнакомец открыл глаза уже нормально — ясно, осознанно.

— Где мы? — спросил он, оглядывая мою квартиру.

— У меня дома, — осторожно ответила я.

— Дома, — повторил он, как будто примеряя слово. Кивнул. — Хорошо.

— У тебя удар по голове. Тебе нужно...

— Кто я? — перебил он спокойно, без паники.

Я замерла.

— Ты не помнишь?

— Нет. — Он помолчал. — Но помню тебя. Ты моя жена.

— Слушай, — начала я, — вот тут есть небольшая неточность.

— Всё остальное вспомним. — Он снова закрыл глаза. — Сначала посплю. Хорошо, жена?

И уснул.

Как ни в чём не бывало. Спокойно. С лёгкой улыбкой на губах.

Рыжий вспрыгнул ему на живот, устроился калачиком и тоже закрыл глаза.

Я сидела рядом и смотрела на них обоих.

— Маша, — сказала я себе вслух, — ты либо сошла с ума, либо выиграла в какую-то очень странную лотерею.

Глава 4

Тьма отступала неохотно, как старый сосед, которого попросили съехать, но он всё никак не соберёт вещи.

Голова гудела.

Я лежал с закрытыми глазами и методично перебирал то, что осталось в памяти, как инвентаризацию после пожара. Рубашка — помню. Ресторан — помню. Чьи-то злые голоса, разговор за спиной, что-то про «деньги», «подпись», «или иначе»...

И удар.

Резкий, тупой, в висок. Потом темнота. Потом — рыжая. Не кот. Девушка. Рыжие волосы, зелёные глаза, пижама с пандами и выражение лица «я уже пожалела, что пришла, но назад пути нет».

Жена.

Я был в этом уверен с той же уверенностью, с какой шеф-повар знает разницу между солью и сахаром. Интуитивно. Фундаментально.

Остальное — потом. Сначала надо встать.

Потолок в этой комнате белый. Маленькая, уютная квартира. Пахнет лавандой, кошачьим кормом и чуть-чуть — лекарствами.

Я встал.

Тело жаловалось. Я проигнорировал.

Ванная была маленькая, но обустроена с практичным умом. На полочке — много разных шампуней (почему у женщин всегда так много шампуней?), морская соль для ванны, маленький резиновый краб на краю раковины. Кран капал.

Я скинул одежду в стиральную машину. Ненавижу беспорядок. Это был рефлекс, как дышать.

Горячий душ — первая нормальная вещь за последние несколько часов.

Когда я вышел, обнаружил очевидную проблему: одежды не было. Моя стиралась.

На сушилке висело полотенце.

Розовое. С жёлтыми уточками.

Я некоторое время смотрел на него. Уточка смотрели на меня.

Я... а как меня зовут? Память не отвечала. Хорошо. Я, человек с развитым чувством эстетики и определёнными стандартами, обернул себя розовым полотенцем с жёлтыми уточками.

Уточка смотрели вперёд с выражением полной невозмутимости. Позавидовал.

На кухне обнаружился холодильник. Открыл его с осторожным оптимизмом.

Оптимизм не оправдался.

Засохший кусок сыра. Банка кукурузы. Кефир с истекающим через два дня сроком. Пакет моркови. И в самом дальнем углу — полкило клубники в закрытом контейнере, свежей, ароматной, которая явно была куплена вчера.

Закрыв холодильник.

Открыл снова.

Посмотрел на клубнику и сыр.

— Это вызов, — сказал вслух, — но я принимаю.

Через десять минут на маленьком кухонном столике стояла тарелка. Небольшая, аккуратная. Пластинки сыра, слегка подпечённые на сухой сковородке. Клубника, разрезанная пополам, с крошечной щепоткой сахара. На балконе обнаружился горшок с клубникой — дополнительный запас. Из специй нашлась только соль, перец и засохший тимьян, но и это уже что-то.

Вышел в коридор.

В этот момент входная дверь скрипнула, и на пороге появилась она.

Моя жена.

Без пижамы с пандами — теперь в джинсах и белой футболке, волосы убраны в хвост, в руках — два пакета с продуктами. На лице написано что-то среднее между облегчением и недоумением.

Она увидела меня.

Встала.

Посмотрела на полотенце с уточками.

Посмотрела на меня.

Снова на полотенце.

— Доброе утро, — сказал я своим лучшим бархатным голосом. — Я приготовил завтрак.

А где мои брюки?

МАША

Я ушла за продуктами рано утром, потому что: а) незнакомец спал, б) холодильник пуст, и в) мне нужен был воздух, чтобы подумать.

За время похода в магазин я приняла три решения: первое — когда он проснётся, позвоню в скорую. Второе — надо его расспросить, кто он и что случилось. Третье — никогда больше не позволять коту гулять ночью.

Я вернулась. Открыла дверь. Вошла на кухню.

И пакеты чуть не выпали из рук.

У меня на кухне стоял ОН. В моём полотенце с уточками. Которое, между прочим, держалось на одном честном слове и явно не было рассчитано на мужские габариты.

Утреннее солнце падало через окно и создавало подсветку, которую не придумаешь специально. Мокрые тёмные волосы. Влажная кожа. Каждая мышца на том самом прессе — в идеальном свете. Уточки смотрели вперёд с достоинством.

В голове у меня сработал какой-то японский мем из тех видяшек, которые Ксюха постоянно присылает: сверкающий фон, сердечки, надпись «ГОРЯЧИЙ ПАРЕНЬ ПОЯВИЛСЯ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.